

В Суд _____
защитника (адвоката) _____,
адрес: _____

тел. _____

в интересах _____

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА

УВАЖАЕМЫЙ СУД!

Прежде всего, хочу напомнить фабулу обвинения, выйти за рамки которого мы не вправе, в силу требований ст. 252 УПК РФ.

Согласно тексту обвинительного заключения мой подзащитный «М» обвиняется в совершении преступления предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, т.е. в присвоении (хищении) чужого имущества, вверенного виновному, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Я-ский ДООТЦ, в хищении имущества, которого обвиняется «М», является самостоятельным юридическим лицом.

В соответствии со ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении **обособленное имущество** и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Таким образом, в силу определения данного законодателем, юридическое лицо, имеет свое собственное **обособленное** имущество, учет которого оно обязано вести в соответствии с нормами ФЗ «О бухгалтерском учете».

В силу прямого указания в законе (ч. 2 ст. 12 ФЗ «О бухгалтерском учете»), в случае выявления в организации факта хищения денежных средств или иных материальных ценностей, должна быть проведена инвентаризация.

Органами предварительного следствия инвентаризация (ревизия) имущества и обязательств Я-го ДООТЦ не проводилась, несмотря на ходатайство защиты (т. ___ л.д. ___), что безусловно указывает на односторонний характер расследования, проведенного не объективно, а крайне односторонне, с явным обвинительным уклоном.

Тем не менее, из приобщенных к материалам дела бухгалтерских балансов и бухгалтерской справки следует, что никаких недостач имущества или денежных средств в якобы потерпевшем учреждении нет, что является единственным доказательством того, что никто и ничего у ДООТЦ не похитил, не присвоил, и не растратил. Реального уменьшения его имущества, в т.ч. денежных средств, не произошло, что исключает даже предположение о совершении «М» хищения, которое в соответствии с примечанием № 1 к ст. 158 УК РФ, определено как: «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Диспозиция инкриминируемой «М» ст. 160 УК РФ, конкретизирует способ присвоения, определяя его как: «хищение чужого имущества, вверенного виновному».

Таким образом, для признания «М» виновным в совершении присвоения, да еще с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), необходимо доказать, что подсудимый:

1. Похитил, т.е. реально и объективно уменьшил, имущество либо денежные средства, уже **принадлежавшие** (а не предназначавшиеся!) не кому ни будь, а именно Я-му ДООТЦ, т.е. учтенные в его бухгалтерском балансе.
2. Похищенное имущество (денежные средства) были вверены, (т.е. вручены, переданы) подсудимому, не кем ни будь, а именно Я-ким ДООТЦ (потерпевшим), а не свидетелем А.
3. Хищение стало возможным именно благодаря использованию служебного положения подсудимого, которое нельзя путать с использованием должностных **полномочий** (обязанностей).

Однако, фактические обстоятельства дела, установленные в судебном заседании, свидетельствуют совершенно об ином:

Имущество Я-го ДООТЦ никак не уменьшилось, т.е. никакого хищения не было, и в принципе быть не могло.

Денежные средства, полученные «М» от А., никогда не становились частью имущества Я-го ДООТЦ, вследствие чего, в принципе не могли быть вверены подсудимому.

Служебное положение подсудимого не имеет никакого, даже теоретического, отношения к инкриминируемому подсудимому способу совершения хищения, т.к. «М» не присваивал, т.е. не обращал в свою личную собственность, деньги полученные от А. по сделке санкционированной руководителем контролирующего органа, а заключение сделок и руководство учреждением, входит в перечень прямых должностных обязанностей «М».

Таким образом, даже если бы «М» не направил денежные средства, переданные ему А., на ремонт помещения руководимого им учреждения, то и в этом случае, они, еще не став собственностью ДООТЦ, не могли бы считаться похищенными у него (т.е. присвоенными).

В любом случае, упущенная выгода, даже в случае доказанности этого факта, состава хищения не образует. Да и о какой упущенной выгоде гражданско-правовом понятии, может идти речь, если в результате действий «М» была предотвращена возможная приостановка деятельности учреждения, в связи с очень вероятным отказом в выдаче лицензии, без которой работа всей организации оказывалась под угрозой, а сам «М» мог быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ.

Как следует из показаний М (**протокол с/з от _____**), первое бюджетное финансирование поступило только _____, т.е. гораздо позже срока получения лицензии – 8 июня 2009 года.

Других возможностей обеспечить нормальную работу учреждения у «М» просто не было. Он вынужден был в авральном порядке заниматься латанием дыр, и в преддверии начала летнего оздоровительного сезона и приближающегося лицензирования, у «М» просто не оставалось иного выхода, да и времени на раздумья, у него тоже не было.

Инкриминируемое «М» преступление может совершаться исключительно с прямым умыслом, т.е. в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 25 УК РФ, «М» должен был:

1. осознавать общественную опасность своих действий (*т.к. путем бездействия ничего похитить невозможно*),
2. предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и,
3. желать их наступления.

Что же из этого подтверждено материалами дела? НИ-ЧЕ-ГО!

1. «М» осознавал, что если учреждение не пройдет лицензирование, то и он сам, и руководимое им учреждение, могут быть подвергнуты административному взысканию по ст. 19.20 КОАП РФ, а в случае получения доходов от продажи путевок в крупном размере (*а с учетом реалити деятельности – в особо крупном*), и к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ.

2. «М» обоснованно предвидел, что в случае его бездействия, учреждение могло остаться без лицензии, и делал все возможное, для предотвращения наступления этих последствий.

3. «М» безусловно желал наступления, но не «общественно опасных», а напротив – **общественно полезных последствий** – продолжения деятельности учреждения, в полном соответствии с его уставными целями. И наступившие последствия оказались действительно полезными для учреждения.

4. В деянии «М» нет даже признаков крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), т.к. его действия никому не причинили никакого вреда. По тому же основанию, «М» не нуждается в применении к нему ст. 42 УК РФ, т.к. он хотя и действовал в соответствии с указаниями своего начальника – С., но никому не причинил никакого вреда, т.е. его действия, и наступившие в их результате последствия, не укладываются в само понятие преступления, установленное ст. 14 УК РФ, в силу полного отсутствия общественной опасности.

Таким образом, ни один из доводов обвинения не нашел своего подтверждения в судебном заседании.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ,

ПРОШУ:
«М» оправдать